
МОБИЛИЗАЦИЯ В СИБИРСКУЮ АРМИЮ В 1918 Г. И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КРЕСТЬЯН С АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИМ ОМСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Д.Н. Шевелев

Кафедра современной отечественной истории
Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050

На примере восстановления практики обязательного призыва в армию в статье рассматривается проблема институционализации Омского антибольшевистского правительства в период Гражданской войны. Особое внимание уделено выявлению тех специфических условий, в которых проходила первая принудительная мобилизация. Выступая для противоборствующих сторон важным источником материальных и людских ресурсов, деревня в эти годы представляла сложную арену взаимодействия сельских обывателей, агентов центральной и местной власти, военных, повстанцев и партизан. В этих условиях выполнение крестьянами государственных повинностей становится одним из определяющих факторов отношения деревни к новому политическому порядку.

Ключевые слова: Гражданская война, белое движение, Сибирь, Временное Сибирское правительство, Российское правительство адмирала А.В. Колчака.

В условиях революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны крестьянство оставалось преобладающей социальной группой в структуре населения бывшей Российской Империи. В период Гражданской войны социальная активность крестьянства во многом определяла траекторию развития политических и экономических процессов.

Изучение истории сибирского крестьянства в 1918–1920 гг. имеет серьезную традицию. В работах Ю.В. Журова, П.И. Рощевского, В.Т. Шуклецова, В.И. Шишкина, Н.К. Ведяшева, В.М. Рыноква, Ю.Д. Гражданова, Ю.Г. Лончакова, И.В. Курышева и ряда других авторов исследованы многие аспекты данной темы: социально-экономическое положение деревни в период Гражданской войны, особенности крестьянской психологии, аграрная политика антибольшевистских режимов, специфика взаимодействия власти и сельского населения, повстанческое партизанское движение и т.д.

В то же время проблема закрепления легитимности в сознании крестьянства установленного антибольшевистскими силами политического порядка, связь этого процесса с трансформацией повседневной жизни сибирской деревни практически не изучена.

Очевидно, что вновь устанавливаемая власть не представляет собой автоматически принимаемую населением данность, требуется ее институционализация. Любой политический порядок – это социальный конструкт, ре-

зультат сложного социального взаимодействия, находящийся в состоянии перманентных структурных изменений. На макроуровне политический порядок сводит в единую систему общественные практики отдельных социальных групп. Такой подход позволяет соединить в рамках исторического анализа три проблемных поля: политический режим, социальные порядки и повседневность.

Исходя из этого сибирскую деревню, выступавшую для противоборствующих сторон важным источником хозяйственных и людских ресурсов, можно рассматривать как сложную арену взаимодействия факторов различного уровня: сельских обывателей, агентов центральной и местной власти, военных, повстанцев и партизан. В этой ситуации создание эффективной государственной машины, чьи административные и мобилизационные функции признавались бы крестьянами, должно было обеспечить Омскому правительству жизнеспособность и действенность.

Одним из важнейших аспектов установления и стабилизации взаимоотношений между населением и властью в условиях Гражданской войны была военная мобилизация.

Поэтому важно выявить, с одной стороны, специфические обстоятельства, в которых происходило восстановление в Сибири призыва на военную службу, с другой – определить воздействие, которое реинституционализация принудительного набора в армию оказало на отношение крестьянства к Омскому правительству.

Для правящего режима был важен не только непосредственный, «овеществленный» результат, в данном случае выражающийся в количестве призванных в армию новобранцев, но и приобретаемый государственной властью «символический капитал».

Без народной поддержки выиграть Гражданскую войну было невозможно. Успешно проведенная мобилизация могла бы упрочить положение омского режима, придав легитимный характер его действиям посредством институционализации необходимых государственной власти социальных и политических практик, которые в свою очередь должны были послужить основой нового социального и политического порядка.

Вхождение в повседневную жизнь такой социальной практики, как «призыв в армию» в качестве полноценного конструкта социального взаимодействия, свидетельствовало бы об определенном доверии населения к структурам и нормам режима, институциональной легитимности власти антибольшевистских правительств.

Так же как и в других регионах, в Сибири антибольшевистские режимы столкнулись с проблемой идеологического обоснования собственного права на власть.

Программа белого движения, в основе которого лежал принцип «непредрешения», была представлена в самом общем и достаточно расплывчатом виде. Неясной виделась и та модель будущего общественного устройст-

ва страны, которую отстаивали антибольшевистские силы. Эти обстоятельства существенно затрудняли организацию пропаганды, поскольку успешное воздействие на аудиторию невозможно без привлекательной для широких слоев населения программы.

Единственное, что не вызывало у них сомнения – это определение врага – «злой своры комиссаров» - и необходимость бескомпромиссной борьбы с ней.

В итоге и само противостояние «сибирских орлов» и «красных стервятников», и главная действующая в нем сила – «победоносная армия, трудами и кровью своей подготавливающая воскресение Родины» (1), становятся ключевыми образами антибольшевистской пропаганды.

В качестве *символа* антибольшевистского сопротивления и *идеала* служения родине, чести, верности долгу и мужества белая армия, а вернее, ее мифологизированный образ, выступает своеобразной базовой ценностью для конструирования национально-государственной идентичности.

Формируемые правительственной пропагандой и «государственно мыслящей» прессой представления об армии как консолидирующем все слои общества центре антибольшевистской борьбы и создаваемый в связи с этим правительственной пропагандой «культ армии» нуждались в своего рода ритуалах коллективной солидарности. Такую роль наряду с публичными проявлениями любви и заботы о вооруженных силах (приветствия, торжественные встречи войск, пожертвования) мог сыграть и успешно проведенный призыв новобранцев.

Однако сибирская деревня устала от тягот многолетней войны. Крестьяне, многие из которых лишь недавно вернулись с фронта, воевать не хотели и под различными предлогами стремились уклониться от призыва на военную службу. Жители одной из волостей Томской губернии прямо заявили, что «лучше повеситься, чем идти на войну» (2).

Таким образом, для того чтобы провести успешный набор в армию, Временному Сибирскому правительству необходимо было, прежде всего, переломить в свою сторону настроения значительной части крестьянства, мобилизовать деревню на решение государственных задач.

Количество проведенных в 1918–1919 гг. мобилизаций и численность поступивших в войска новобранцев позволяет говорить о том, что в Сибири процедура «призыва в армию» была институционализирована, т.е. упорядочена, законодательно и организационно оформлена. Сложился определенный сценарий проведения мобилизации, установленные государственной властью правила были понятны населению. Для какой-то части населения сохранившиеся в сознании с дореволюционного времени представления о всеобщей воинской повинности запустили традиционный механизм подчинения.

Как писал генерал Д.В. Филатьев о первом военном призыве: «Мобилизация прошла очень успешно, но вовсе не от того, как хвастались сибиряки,

что Сибирь, как один человек, встала на защиту своей свободы, а в силу вековой привычки повиноваться приказу начальства» (3).

В течение лета 1918 – осени 1919 г. в Сибири и на Дальнем Востоке для различных категорий городского и сельского населения призыв на действительную военную службу объявлялся восемь раз. И это не считая мобилизации офицеров, военных чиновников и казачества.

Кроме того, командующие отдельными армиями проводили успешный призыв новобранцев в прифронтовой полосе. В условиях Гражданской войны как сама мобилизация, так и связанные с ней действия становятся неотъемлемой частью повседневности.

С самого начала комплектование Западно-Сибирской (с конца июля – Сибирской) армии строилось на сочетании мобилизации (офицеров, военных чиновников и казаков) и набора добровольцев.

1 июня 1918 г. уполномоченный ВСП по Западной Сибири М.Я. Линдберг, заведующий военным отделом ЗСК Н.В. Фомин и командующий войсками Западно-Сибирского военного округа полковник А.Н. Гришин-Алмазов утвердили «Временные условия формирования сибирских добровольческих полков в Западно-Сибирском военном округе». Согласно этим условиям в Сибирскую добровольческую армию принимались все граждане не моложе 18 лет, «незапятнанные нравственно и изъявившие искреннюю готовность преданно служить идее народовластия» (4).

8 июня постановлением Западно-Сибирского комиссариата «формирование отрядов добровольческой армии Временного Сибирского правительства» поручалось товарищу (заместителю) председателя Томской губернской земской управы М.П. Рудакову (5).

10 июня при ЗСК был учрежден отдел по формированию добровольческой народной армии. Заведующим отделом был назначен В.С. Сизиков. На местах при содействии земств началась пропагандистская кампания по привлечению в Сибирскую армию добровольцев. Со специальным воззванием отдел обратился к крестьянам (6).

Однако, несмотря на все организационные и пропагандистские усилия новой власти, практика добровольчества в Сибири в это время не прижилась. «Призыв добровольцев в армию, – отмечалось в докладе штаба Западно-Сибирского военного округа от 8 июля 1918 г., – малоуспешен, вследствие непопулярности добровольческой службы вообще: добровольцами идут, главным образом, не по идее, а только с целью заработка. Естественно, что при таких условиях добровольческий элемент малонадежен, рассчитывать на большой приток его нет оснований» (7).

Интересное объяснение нежелания крестьян записываться в армию добровольцами приводит томская «Заря»: «В деревне добровольцы явление случайное: крестьяне напуганы. Они не хотят видеть разницы между наемным красноармейцем и наемным добровольцем Сибирской армии и говорят, что при добровольческой армии в нее пойдут из-за денег все проходимцы.

Да, если пойдешь добровольцем, если что случится, нас будут сажать, как садили красноармейцев» (8).

Население Сибири понимало, что в условиях начавшейся гражданской войны, нарастающего вооруженного противоборства «красных» и «белых», а также возможного восстановления Восточного фронта для продолжения военных действий с Германией принудительная мобилизация становится неизбежной, и с тревогой ожидало ее объявления. Беспокойство жителей края отчетливо проявлялось в многочисленных слухах, распространявшихся с середины июня в регионе. Пресса по возможности старалась успокоить население, разъяснить правительственную политику в вопросе комплектования армии.

«Слухи эти, – писала, к примеру, томская «Народная газета», – отчасти справедливы, потому что на одних добровольцах и офицерах далеко не уедешь и, чтобы оказать немцам сопротивление, новое правительство должно будет приступить к принудительному набору армии». В то же время, разъясняла газета, мобилизация может быть разной: «можно призвать всех мужчин от 18 до 45 лет, можно половину, а можно и десятую часть». В нынешних же условиях, по мнению «Народной газеты», сама обстановка на фронте не требует такого большого количества войск. «В прошлом году в России под ружьем стояло 20 миллионов солдат. Ныне же, вследствие истощения немецких сил и громадного сокращения нашего фронта, будет достаточно, примерно, и двух миллионов, и, следовательно, мобилизация коснется лишь какой-нибудь десятой части населения. Деревня и город могут быть спокойны: от них потребуют немногого, почти все их кормильцы останутся с ними» (9).

Одновременно с борьбой с «вредными» и «провокационными» слухами в прессе велась и определенная морально-психологическая подготовка общественного мнения к предстоящей мобилизации. Основная мысль газетных публикаций: «стоит только пропустить момент, не сорганизоваться вовремя, не создать крепкую и мощную армию – и конец России неминуем» (10).

В этой связи 31 июля 1918 г. вышел указ Временного Сибирского правительства о призыве на военную службу лиц, родившихся в 1898–1899 гг. «Призыву, – говорилось в указе, – подлежит все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1-го января 1915 г.» (11).

В каждом уезде призыв должен был осуществляться уездным воинским начальником либо начальником местной воинской команды при содействии городской и уездной милиции.

Предвидя возможные осложнения, командующий Сибирской армией генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов 16 августа 1918 г. издал приказ № 46, в котором при проведении призыва новобранцев категорически предписывал «соответствующим лицам и учреждениям “приказывать”, “требовать”, а отнюдь не просить и не уговаривать». «Уклоняющихся от воинской повинности, – говорилось далее в приказе, – арестовывать и заключать в тюрьму для суждения по законам военного времени» (12).

Первым днем призыва было установлено 25 августа 1918 г. Накануне управляющим министерством внутренних дел С.С. Старынкевичем всем губернским комиссарам было разослано специальное распоряжение. Глава МВД также потребовал «от всех подчиненных мне на местах лиц напряжения всех сил для того, чтобы объявленный указом Временного Сибирского правительства 31 июля призыв молодых граждан в войска шел стройно и спокойно» (13).

О том, как проходил «призыв молодых годов», регулярно сообщала сибирская пресса. В Челябинске, писала «Свободная Сибирь», мобилизация «проходит с исключительным успехом, явились все зарегистрированные, не было ни одного заявления о болезни; новобранцы отказались сами от предоставленных льгот» (14).

«По сведениям из Тюменского и Ялуторовского уездов (Тобольской губернии), – отмечала газета “Думы Алтая”, – число явившихся на сборные пункты призванных новобранцев так же как и в других уездах, превысило в каждом на 1000 с лишним предполагаемого количества... Население призываемое относится к мобилизации весьма серьезно, вполне сознавая ее необходимость для спасения родины» (15).

«Мобилизация двух молодых годов по уездам Томской губернии проходит блестяще, на пункты являются 96% из подлежащих призыву» (16), – сообщала «Народная Сибирь».

В Бийске, по информации «Сибирской жизни», во время мобилизации «не было буйства, пьянства и разгула “рекрутов”, которые считались обязательными в таких случаях». «Призываемые вели себя превосходно и в казармах, и на улицах, и в общественных местах» (17).

Успешно, по словам «Сибирского вестника», шла мобилизация в Енисейской губернии: «Крестьянство почти повсеместно обнаружило полное понимание своего долга перед родиной. 14 волостей Канского уезда дали на Канский сборный пункт всех призываемых к назначенному сроку. Также благоприятно проходит призыв и в Минусинском уезде. Как известно, крестьяне этих двух уездов принимали самое деятельное участие в свержении советской власти, и первые подняли вопрос о создании постоянной Сибирской армии» (18).

Из прессы можно было узнать и о том, как для молодых уральских и сибирских парней начиналась военная служба. Вот как, например, описывает второй день мобилизации в Тюмени местная газета «Свободное слово»: «У сборного пункта в управлении воинского начальника громадное количество телег, повозок, лошади в которых и упряжь разукрашены цветами и лентами. В толпе возбужденно-радостное настроение. Призываемая молодежь, по-видимому, очень охотно вступает в ряды славного сибирского войска. На вопросы комиссии о здоровье, большинство, за очень редкими исключениями заявляют, что здоров. Всех принятых по мере их приема, группами в 50–60 человек отправляют в сопровождении оркестра военной музы-

ки в городские казармы и уже с утра следующего дня началось обучение их во дворе полковых казарм».

Конечно, не обошлось и без враждебных происков.

Так, в Бийске: «По рассказам некоторых призываемых, среди них велась глухая, преступная пропаганда со стороны тех, кто еще до сих пор не может помириться с потерей своих неограниченных прав, какими еще недавно они пользовались в стране». Однако «пропаганда эта успеха не имела», поскольку враждебные правительству агитаторы «открыто говорить боялись и выступали только на постоянных дворах, да в маленьких кружках случайно где-нибудь собравшихся новобранцев» (19).

27 августа 1918 г. на заседании Совета министров ВСР А.Н. Гришин-Алмазов «с чувством глубокого удовлетворения» заявил, что по данным военного министерства «мобилизация двух молодых годов происходит в большом порядке, как не проходила даже при царском режиме». «Во многих местах, – отметил управляющий военным ведомством, – население не только охотно дает новобранцев, но само представляет военным властям списки уклоняющихся». Председатель Совета министров П.В. Вологодский на основании сведений, полученных с мест, от правительственных комиссаров, также отметил «спокойный и удачный ход мобилизации на всей освобожденной от большевиков территории Сибири» (20). 1 сентября А.Н. Гришин-Алмазов объехал казармы и произвел смотр новобранцев расквартированных в Омске воинских частей, которые, как отмечалось в телеграмме Сибирского телеграфного агентства, опубликованной во многих газетах края, «произвели прекрасное впечатление» (21).

По подсчетам новосибирского исследователя Д.Г. Симонова, к концу сентября 1918 г. в Казанском, Западно-Сибирском и Иркутском военных округах было призвано 175 тыс. новобранцев. В результате нового набора за один месяц (с 1 сентября по 1 октября) численность Сибирской армии возросла с 60,3 тыс. до 184,6 тыс. (22). На этом фоне весьма бледно смотрятся достижения Самарского Комуча, которому из 120 тыс. призывного контингента с «большими трениями» удалось «получить по мобилизации от населения к 14 августа 1918 г. около 21 тыс.» (23).

Успех Временного Сибирского правительства в решении задачи пополнения своих войск становится еще более очевидным при сравнении с результатами аналогичных мероприятий советской власти на той же территории. К июню 1918 г. численность Красной армии в Сибири, включая добровольцев и мобилизованных, большевикам удалось довести лишь до 7591 чел. (24).

Высокие результаты, которых удалось добиться Временному Сибирскому правительству при проведении мобилизации, являлись во многом следствием удачного для правящего режима сочетания морально-психологических факторов, обусловивших настроения значительной части крестьянства.

Во-первых, успеху призыва новобранцев способствовали усилившиеся в сибирской деревне весной–летом 1918 г. антибольшевистские настроения. Произошло это под воздействием, с одной стороны, реквизиций продовольствия, проводимых советской властью накануне ее падения, а с другой – бесчинств, совершаемых отступающими красногвардейскими отрядами.

Во-вторых, жители сибирской деревни с определенным недоверием отнеслись к прежней власти, социальной опорой которой выступали «праздношатающийся элемент», «горлопаны», «голодранцы», «пьяницы», «рвань», т.е., с точки зрения «трудового крестьянства», деревенские отбросы.

В-третьих, после бурных событий весны 1917 – весны 1918 г. у части сибирского крестьянства возрастает тяга к «порядку», стабильности, «твердой власти».

Свою роль сыграло и еще одно обстоятельство. «Белые летом 1918 г., похоже, получили более сочувственный отклик от сибирского крестьянства, нежели большевики, – писал по этому поводу канадский исследователь Н. Перейра. – Если это действительно так, то, возможно, потому, что значительная часть критиков Советской власти была членами популярной среди крестьян Сибири партии эсеров. Этим людям был понятен менталитет сибирского населения, и они использовали каждый шанс, чтобы повернуть крестьян против большевиков» (25).

Все это свидетельствовало о своеобразном «кредите доверия», выданном Временному Сибирскому правительству крестьянством края, об определенных надеждах и ожиданиях, которые сибирская деревня связывала с новым политическим режимом.

Кроме того, в нелегких условиях новая власть смогла продемонстрировать свою силу. «Мобилизация удалась и потому, – вспоминал позднее Гришин-Алмазов, – что на совете всех политических течений я категорически запретил “просить и уговаривать”. Только “требовать и приказывать”. Никакой агитации, никаких плакатов» (26).

Во многих волостях и уездах «словесные разъяснения о необходимости призыва» подкреплялись применением в терминах того времени «энергичных мер» – действиями небольших отрядов военных или милиции. Так, 5 сентября 1918 г. в село Кожевниково Томского уезда, где накануне часть местных жителей и собравшиеся из окрестных деревень родственники новобранцев выступили против проведения мобилизации, прибыл вооруженный отряд численностью в 30 человек. Присутствие отряда «отрезвляюще подействовало на население и отправление молодых солдат здесь прошло в должном порядке, равно как и в других районах, где был отряд, отправление прошло быстро и аккуратно» (27).

Однако институционализация обязательного призыва на военную службу не означала, что эта восстановленная в новых условиях практика одобряется и поддерживается населением, особенно сельским. В середине сентября 1918 г. Томский уездный комиссар в докладе вышестоящему начальству от-

мечал, что «призыв новобранцев проводится не везде с одинаковым успехом» (28). Это утверждение можно применить ко всей территории, затронутой мобилизацией. В значительной степени это обуславливалось несколькими важными факторами.

Несмотря на довольно радужную картину массовой общественной поддержки новой власти, которую сибирская пресса рисовала в первые недели после переворота, настроения сибирского крестьянства летом–осенью 1918 г. были скорее настороженные, выжидательные и довольно изменчивые. «Неустойчивость крестьянских настроений – вот что сильно поразит вас в деревне, – писала в начале ноября газета “Думы Алтая”. – Как-нибудь 7–8 месяцев назад социалистические партии – были здесь властителями дум; скоро большевизм опутал их своими сетями; при свержении коммунистической кабалы большинство населения праздновало свой великий праздник освобождения, а теперь наблюдается еще новый перелом в настроении. Словом, форменное хождение по ветру» (29).

Взгляды крестьян на ту или иную политическую, экономическую, социальную проблему могли быстро меняться под воздействием различных факторов – пропаганды, слухов, изменяющейся политической ситуации, «лидеров мнения». Степень же «отрезвления» сибирского крестьянства от «кошмарных чар кроваво-красного коммунизма» многими сторонниками новой власти в значительной мере преувеличивалась.

На наш взгляд, политические настроения сибирской деревни верно охарактеризовал профессор Томского университета И.И. Аносов. «Сказать, что все крестьянство стоит за большевиков – нельзя, – писал он в “Сибирской жизни” в начале августа 1918 г., – но нельзя сказать, что оно против них» (30).

К началу призыва новобранцев формирование местной власти на волостном и сельском уровнях еще не завершилось. Возобновление работы волостных земских управ, а именно они рассматривались новым режимом в качестве законных органов власти низового уровня, шло медленно. «В деревне царит сейчас полная анархия в области управления, – признавал в начале ноября 1918 г. член Директории и глава Совета министров Временного Всероссийского правительства П.В. Вологодский, – и я даже затрудняюсь ответить: как в настоящее время управляется деревня? В большинстве случаев деревня управляется самыми разнообразными самочинными организациями» (31).

В результате того, что власть Омского правительства обрывалась на уровне уезда, сибирская деревня оказалась слабоуправляемой и почти неподконтрольной новому режиму. К тому же представители волостной и сельской власти, местной милиции в большинстве случаев особого рвения в своей служебной деятельности не проявляли и не пользовались уважением среди населения.

Призыв двух молодых возрастов проходил в условиях острейшего дефицита в деревне достоверной информации о важнейших политических событиях в крае. Конечно, осведомительная работа на освобожденной от большевиков территории Сибири велась. В начале июля 1918 г. на заседании прави-

тельства даже рассматривался вопрос о «спешной организации агитационного бюро» с целью «подготовки общественного мнения к проведению набора» (32).

«Информацию населения по вопросам текущего момента», а также пропагандистскую «подготовку к принудительному набору в армию» осуществлял инструкторско-информационный отдел (в дальнейшем – информационно-агитационный) МВД. Однако того штата инструкторов, которым располагал отдел, для успешного выполнения поставленной задачи было явно недостаточно. К тому же работа инструкторов на местах не всегда была успешной.

«Из представленных отчетов инструкторов видно, – отмечалось в одном из циркуляров МВД, – что лишь незначительная часть информаторов создала свои задачи, как можно полно информировать население о том, что происходит в центре, объективно познакомить его со всеми вопросами, выдвинутыми текущим моментом и обратно информировать [информационно-агитационный] отдел, а через него и Временное Сибирское правительство о том, что происходит на местах, как и чем живет деревня» (33).

В результате просчетов, допущенных пропагандистским аппаратом Омского режима уже на раннем этапе своего существования, правительственные мероприятия в деревне не были в достаточной степени информационно обеспечены.

«Газет в деревне нет, – констатировал в конце августа 1918 г. барнаульский “Новый луч”, – или величайшая редкость. Проедет по деревне городской житель или ямщик, бросит почти на ходу пять–шесть слов о новых событиях – и этим кончается информация деревни» (34).

В результате основным источником сведений о положении дел в стране для крестьян являлись слухи. Исходящая же от Омского режима информация по официальным каналам с недоверием воспринималась в деревне, что в значительной степени затрудняло пропагандистское обеспечение правительственных мероприятий.

При проведении мобилизации, а также в ходе восстановления других значимых для политического режима процедур (сбор налогов, выполнение натуральных государственных повинностей, регулирование пользования лесом) вместе с принуждением на деревню обрушились самоуправство и произвол воинских и милицейских начальников, бесчинства их подчиненных.

Вот типичная ситуация: новобранцы Нелюбинской волости Томского уезда не явились в установленный срок на сборный пункт. «Для принятия мер к немедленной отправки в Томск новобранцев начальником уездной милиции был командирован отряд кавалеристов в 15 чел. под командой штаб-ротмистра Наумова, каковой и выполнил полностью свое задание, препроводив новобранцев в Томск». Однако «за время пребывания в Нелюбинской волости вышеназванного отряда, несколькими чинами последнего были проявлены незаконные действия в отношении населения как-то: насильственное отбирание провианта, нанесение побоев и прочее» (35).

Официально подобные действия порицались, но на практике были широко распространены. Причем в большинстве случаев ни военные, ни сотрудники МВД не несли никакого наказания. В такой ситуации население начинает отождествлять действия агентов власти с самим режимом.

Принудительная мобилизация, сбор налогов и недоимок, взимание штрафов за самовольные порубки леса, притеснения со стороны гражданских и военных властей, усиленные антиправительственной агитацией, вызывают быстрый рост неповиновения новому режиму со стороны крестьянства. На сельских сходах мужики выносят решения «не давать солдат для армии» (36), «от платежей государственных налогов отказываемся» (37).

Объявленный Временным Сибирским правительством призыв новобранцев послужил причиной нескольких крестьянских восстаний, наиболее крупные из которых произошли в Змеиногорском и Славгородском уездах Алтайской губернии (38). В дальнейшем бунтами призывников сопровождаются и некоторые мобилизации 1919 г.

Кроме того, распространенным явлением становится дезертирство. «Крестьянин, – писал руководитель большевистского подполья Урала и Сибири И.Н. Смирнов, – начинал борьбу с реакцией и в казарме, и в селе» (39).

Произвол воинских начальников, бесчинства милиционеров и зверства карательных отрядов разбудили в Сибири крестьянскую стихию, восстановили деревню против Омского режима.

Уже осенью 1918 г. в таежных районах на юге Томской губернии, а также в средней и южной полосе Северо-Западной Сибири на территории Тарского, Татарского, Каинского, Тобольского уездов возникают первые очаги партизанского движения (40). К середине 1919 г. повстанческо-партизанское движение в крае приобретает массовый характер. Только в Западной Сибири общая численность партизан в это время достигает 10 тыс. чел.

По словам эсеровского публициста Е.Е. Колосова, «буквально вся Сибирь охвачена пламенем крестьянских восстаний». «Не было такого угла в ней, не было ни одного уезда, – писал он, – начиная от Семипалатинска и кончая районом за Иркутском, далеко на Амур и Восток, по которым бы не проходила красная линия партизанских фронтов... В одних местах они уходили вглубь страны, далеко от ее жизненной артерии – железной дороги, в других подступали к ней почти вплотную, едва не разрезая магистраль» (41).

Таким образом, в сценарий проведения мобилизации, с одной стороны, оказываются включенными насильственные действия агентов власти, обеспечивающих проведение призыва, а с другой – различные проявления неповиновения и сопротивления мобилизованных.

Трудности в проведении мобилизации показали уязвимые места белых политических режимов, изъяны в работе управленческого аппарата: несовершенство и низкую эффективность гражданской администрации и судеб-

ных учреждений на местах, несогласованность в действиях, самоуправство военных и милиции.

Наибольшую опасность для Омского правительства представлял нарастающий кадровый дефицит, постоянная нехватка квалифицированных, инициативных, преданных режиму и белой идее работников. Как свидетельствует Н.В. Устрялов, летом 1919 г. в беседе с представителями «омского блока» Верховный правитель прямо заявил: «Скажу вам откровенно, я прямо поражаюсь отсутствию у нас порядочных людей... Худшие враги правительства – его собственные агенты» (42).

И если у красных организационные недочеты преодолевались мобилизацией коммунистов и деятельностью ВЧК, то их противники подобным арсеналом средств не располагали.

Недостаток исполнительной и судебной власти на местах компенсировался активностью военных и милиции, деятельность которых основывалась на принуждении, запугивании и терроре. Произвол «военщины» и «атаманщины» в таких условиях был для Омского правительства столь же нежелателен, сколько и необходим, поскольку таким образом на местном уровне поддерживался антибольшевистский политический порядок, но формировался крайне непривлекательный образ режима. «Мальчики не понимают, – писал в своем дневнике военный министр Омского правительства генерал А.П. Будберг, – что если они без разбора и удержания насильничают, порют, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что большевики могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодетельных для них сотрудников» (43).

При этом применяемые военными и милицией меры физического принуждения (аресты, порки и расстрелы) демонстрировали сибирскому населению не столько силу правящего режима, сколько его неуверенность и слабость.

В такой ситуации военному командованию не удалось ни организовать своевременное пополнение фронтовых частей, ни сформировать в тылу достаточное количество подготовленных резервов. «Вопрос о комплектовании частей солдатами, – с раздражением отмечал летом 1919 г. генерал А.Н. Пепеляев, – поставлен необычайно остро. Начиная с первой мобилизации осенью 1918 г., проведенной неумело и поэтому повлекшей за собой ряд восстаний по всей Сибири, обострившей отношение жителей к самой идее постоянной армии, тыл не дал фронту ничего, только раз группа получила пополнение из Ишимского уезда, оказавшееся ярко большевистским. Полки тают и нечем их пополнить, между тем солдат в армии должен жить той мыслью, что, если он умрет, на его место встанут десятки других, и дело, им защищаемое, не умрет» (44).

Не получая достаточного количества обученного пополнения из тыловых округов, командующие армиями вынуждены были проводить мобилизацию в прифронтовой полосе либо пополнять свои части пленными красноармейцами. И то и другое оказалось чревато определенными издержками.

Нарастающие проблемы с пополнением действующей армии наглядно демонстрирует обострение разногласий «фронта» и «тыла», отсутствие между ними согласия, усиливающееся отчуждение сражающейся с большевиками армией от остальной части общества. «Фронт и тыл, – писала одна сибирская газета, – всегда противоположны. Один бодр, другой плачется на свою судьбу. Один сосредоточен и напряжен, другой распушен и слаб. Фронт действует, тыл говорит» (45). «Вся страна должна кто чем может с красною заразой бороться, – отмечалось в другом издании, – а на самом то деле с ней только фронт борется, а в тылу не только армии достаточно не помогают, а наоборот то тут, то там вредят ее успеху» (46).

За этими и подобными высказываниями, которые неоднократно появлялись на страницах сибирской периодики, скрывался широкий спектр разногласий («действующая армия» – «тыловые округа», «военное командование» – «гражданская администрация», «правительственный аппарат» – «муниципалитеты», «военные» – «штатские», «граждане» – «обыватели»), расшатывающих и без того хлипкое здание белой государственности на востоке России.

Как бы ни старалась правительственная пропаганда и «государственно мыслящая» пресса прославить «верных сынов Сибири и Урала», «героев священной борьбы» с «кроважатыми зверями, рвущими живое тело русского народа», армия так и не стала символической основой для конструирования новой национально-государственной идентичности, а «успешно проведенная мобилизация» – тем ритуалом, который поддерживал и укреплял бы единство «фронта» и «тыла», способствуя тем самым консолидации всех антибольшевистских сил.

Дальнейшие действия Омского правительства говорили о том, что, столкнувшись в целом ряде районов Сибири с организованным сопротивлением крестьянства и теряя контроль над деревней, белые все больше делали ставку на город.

В частности, мобилизации, объявленные указами адмирала А.В. Колчака от 9 августа и 2 сентября 1919 г., предусматривали призыв на военную службу горожан и беженцев (47). «Последний призыв, задачей которого является пополнить наши истощенные боевые части исключительно городским населением, – писала в конце августа 1919 г. газета “Сибирская жизнь”, – дает косвенные указания на то, что огромное население деревни находится “под подозрением”» (48).

Это обстоятельство, с одной стороны, служило признанием Омского правительства в том, что оно не контролирует значительную часть Сибири и Дальнего Востока, а с другой – доказательством сокращения и без того узкой социальной базы колчаковского режима.

Все более очевидной становилась ставка колчаковцев на городское население, казачество и беженцев. «Печально, – констатировала все та же “Сибирская жизнь”, – что за год с лишком, прошедший со времени изгнания большевиков, власть, политика которой, несмотря на происходившие смены,

осталась в общем, устойчивой, не сумела или не смогла достичь возможности опереться на самый многочисленный и крепкий класс Сибири» (49).

Таким образом, Омскому правительству удалось восстановить практику принудительной военной мобилизации, затронувшую многочисленное сибирское крестьянство. Несколько факторов обеспечили успех призыва, проведенного в конце лета – осенью 1918 г.

С одной стороны, это было связано с ростом у части крестьянства антибольшевистских настроений, вызванного самоуправством представителей советской власти при проведении реквизиций, а также бесчинствами отступающих красногвардейцев. С другой стороны, и этот фактор оказался куда более существенным, результативность мобилизации стала следствием демонстрации или применения властями силы при ее проведении.

«Энергичные меры», которые стали широко использоваться на местах при проведении государственной политики (призыв новобранцев, поимка дезертиров, сбор налогов и недоимок, прекращение самовольных порубок леса и т.д.), при слабом правительственном контроле порождают массовые насильственные действия и произвол агентов власти, военных и милиции, которые проявились в самочинных арестах и расстрелах, массовых порках крестьян, избиениях и издевательствах, грабеже, проводившемся под видом реквизиций.

В такой ситуации причиненные крестьянам советской властью страдания забывались, многократно перекрываясь зверствами и злодеяниями, совершенными от имени установленного антибольшевистскими силами политического порядка. Сибирская деревня стала базой для развертывания массового повстанческого партизанского движения.

В итоге белые потеряли контроль над значительной частью территории Томской, Алтайской, Енисейской губерний, Амурской и Приморской областей и вынуждены при проведении мобилизаций 1919 г. сделать ставку на немногочисленное городское население и беженцев. Все это говорило о том, что в глазах значительной части населения сибирской деревни Омское правительство утрачивало остатки легитимности.

Могли ли проведенные в 1918–1919 гг. мобилизации иметь для Омского режима иные последствия? Это было возможно, если бы антибольшевистские правительства неуклонно проводили в жизнь провозглашенный ими же курс на «твердую законность», «облекая все свои действия в ясные и общепонятные формы непоколебимого и последовательного правового порядка» (50). Однако при таком сценарии слабыми звеньями оставались низовой административный и судебный аппарат, обрывающийся на уровне уезда, а также дефицит кадров.

Более реалистичен был второй вариант: последовательная репрессивная политика, создание системы государственного принуждения и террора. Один из руководителей антибольшевистского движения на юге России генерал А.А. фон Лампе сказал: «Белые могли бы победить красных, если бы они сами, в своих методах, в своей деятельности... стали тоже красны-

ми» (51). В реальности же антибольшевистское движение на востоке России, впрочем, как и в других регионах, не смогло ни увлечь деревенского обывателя привлекательностью своих идей, ни продемонстрировать ему реальную силу и заставить его подчиниться, ни организовать эффективный, основанный на неуклонном следовании законам аппарат управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Правительственный вестник. – Омск. – 1919. – 24 апр.
- (2) Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. р-1362. – Оп. 1. – Д. 179. – Л. 1.
- (3) *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922: Впечатления очевидца. – Париж, 1985. – С. 48.
- (4) Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): Сборник документов и материалов. – Новосибирск, 2007. – С. 50.
- (5) ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 24.
- (6) Воля Сибири (Красноярск). – 1918. – 12 июля.
- (7) Цит. по: *Ларьков Н.С.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 гг.: Дис. ... д.и.н. – Томск, 1996. – С. 311–312.
- (8) Заря. – Томск. – 1918. – 29 (16) июля.
- (9) Народная газета. – Томск. – 1918. – 27 (14) июня.
- (10) Там же.
- (11) Временное Сибирское правительство... – С. 227.
- (12) Сибирский вестник. – Омск. – 1918. – 21 авг.
- (13) Сибирская жизнь. – Томск. – 1918. – 27 авг.
- (14) Свободная Сибирь. – Красноярск. – 1918. – 3 сент. (21 авг.).
- (15) Думы Алтая. – Бийск. – 1918. – 7 сент.
- (16) Народная Сибирь. – Новониколаевск. – 1918. – 5 сент.
- (17) Сибирская жизнь. – 1918. – 17 сент.
- (18) Сибирский вестник. – 1918. – 6 сент.
- (19) Сибирская жизнь. – 1918. – 17 сент.
- (20) Сибирский вестник. – 1918. – 30 авг.
- (21) Сибирский вестник. – 1918. – 3 сент.
- (22) *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. – Новосибирск, 2010. – С. 141, 145, 151.
- (23) *Щепихин С.А.* Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г.: Сборник первый. – Прага, 1930. – С. 198–199.
- (24) *Ларьков Н.С.* Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. – Томск, 1995. – С. 98.
- (25) *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. – М., 1996. – С. 99.
- (26) Дневник П.Н. Милюкова. 1918–1921. – М., 2004. – С. 259.
- (27) ГАТО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 79–81.
- (28) ГАТО. – Ф. Р-1362. – Оп. 1. – Д. 286. – Л. 1.
- (29) Думы Алтая. – 1918. – 8 нояб. (26 окт.).
- (30) Сибирская жизнь. – 1918. – 6 авг.

- (31) Вестник Всероссийского Временного правительства. – Омск. – 1918. – 7 нояб.
(32) Временное Сибирское правительство... – С. 112.
(33) ГАРФ. – Ф. Р-1561. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 48.
(34) Новый луч. – Барнаул. – 1918. – 28 авг.
(35) ГАТО. – Ф. Р-1362. – Оп. 1. – Д. 286. – Л. 1.
(36) Там же.
(37) Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.): Сборник документальных материалов. – Свердловск, 1967. – С. 257.
(38) *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия... – С. 146–148.
(39) *Смирнов И.* На другой день после падения Советов // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилковской и колчаковской контрреволюцией. – М.; Л., 1926. – С. 194.
(40) Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2009. – Т. 2. – С. 578.
(41) *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. – Пг, 1923. – С. 11.
(42) *Устрялов Н.В.* Избранные труды. – М., 2010. – С. 153.
(43) Дневник барона А. Будберга // Архив русской революции. – Т. XIV. – Берлин, 1924. – С. 231.
(44) «Россия погибнет в волнах новой анархии» // Военно-исторический журнал. – 1996. – № 6. – С. 81.
(45) Военные ведомости. – Новониколаевск. – 1919. – 15 мая.
(46) Надежда России. – Новониколаевск. – 1919. – 31 июля.
(47) Правительственный вестник. – 1919. – 13 авг., 14 сент.
(48) Сибирская жизнь. – 1919. – 26 авг.
(49) Сибирская жизнь. – 1919. – 16 авг.
(50) Сибирская жизнь. – 1919. – 27 мая.
(51) *Лампе А.А. фон.* Пути верных: Сборник статей. – П., 1960. – С. 88.

MOBILIZATION IN SIBERIAN ARMY IN 1918 AND INTERRELATIONS OF PEASANTS AND ANTI-BOLSHEVIC OMSK GOVERNMENT

D.N. Shevelev

Department of Contemporary Russian History
Tomsk State University
Lenin Ave., 36, Tomsk, Russia, 634050

The article considers the problem of institutionalization of the Omsk anti-bolshevik government in the Civil war period. The author reveals some specific conditions of the mobilization in autumn 1918 in Siberian villages. In the conditions of fierce armed confrontation the implementation of military services by peasants became one of the determining factors of village attitude to the new political order.

Key words: Civil war, White movement, Siberia, Siberian provisional government, Russian government of admiral A.V. Kolchak.